

ПРЕВРАТНОСТИ СУДЬБЫ

© 2016

Е.В. Золотухина-Аболина

Предназначение

То, что мы называем судьбой, явление темпоральное, судьба — воображаемая нить, которая соединяет события прошлого с сегодняшним днем и днем будущим, она — словно стрела, направленная в туман, и кто знает, куда она упадет там, в тумане завтрашнего дня? Наряду с судьбами ясными и объяснимыми, по школьному выводимыми из характера индивида и объективных условий его существования, история знает судьбы странные, наполненные взлетами и падениями, те, что забрасывают человека в экстраординарные обстоятельства и требуют от него умений и качеств, ранее ему не присущих. Слепая судьба? Или иллюзия судьбы, самим же человеком бессознательно созданная?

Исследователи, которые стремятся рассмотреть человеческую жизнь со всей строгостью, какой требует естествознание, видят в понятии судьбы, прежде всего, проекции нашей субъективности. Футурологи размышляют об “эффекте Эдипа” — самосбывающемся пророчестве, когда мы, создав образ будущего, начинаем активно действовать в его пользу или, напротив, если образ негативный, препятствовать его осуществлению. Специалисты-психологи считают, что наше сознание создает впечатление причинной связности и придает смысл любой цепи совершенно случайных событий, намечает “путь судьбы” там, где его вовсе нет. “Сознание, — отмечает В.М. Аллахвердов, — строит свой собственный, во многом воображаемый и весьма далекий от реальности мир. Этот мир сознания — всего лишь догадка о том, каков мир в действительности. В этом мире все детерминировано, все взаимосвязано. А далее сознание работает так, что почти всегда подтверждает собственные гипотезы-догадки об окружающем мире, все время пытается отождествить свои ожидания с реальностью. Если бы работа сознания только этим и ограничивалась, то реальность не была бы ему вообще доступна. Сознание имеет много возможностей подтверждать свои гипотезы. Всегда можно выбрать такие сла-

**ПЕРСПЕКТИВЫ
ГУМАНИЗМА**

Золотухина-Аболина Елена Всеволодовна — доктор философских наук, профессор кафедры истории философии Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета (Ростов-на-Дону). Постоянный автор журнала. E-mail: elena_zolotuhina@mail.ru

бые требования к точности соответствия, когда все что угодно может быть отождествлено со всем, чем угодно. И всегда существует такой признак, по которому можно отождествить два во всем остальном совершенно различных явления” [1, с. 500].

Так значит, судьба — лишь фантазия? На такой вопрос можно ответить: как и сама “реальность”. Человеческий мир — это мир сознания, субъективности и интерсубъективности, и в нем действительно все взаимосвязано, при том, что связи нередко не лежат на поверхности, его реальность — это реальность понимания, истолкования, согласия или несогласия мнений. Стало быть, такой феномен, как судьба, здесь вполне возможен, хотя изучение его — дело, конечно, не физиков, а гуманитариев.

В предлагаемой статье попробуем показать три мыслительные сферы — *философию, психотерапию и оккультно-эзотерические практики XX–XXI века*, — в которых человеческая судьба представляет не только тему для обсуждения, но и становится *предметом духовно-практического воздействия*. Судьба — штука практическая, она дается нам в переживании, в радости и страдании, от того, как мы понимаем свою судьбу, соизмеряя ее с судьбами других, зависит наша удовлетворенность жизнью или чувство потерянности и несостоятельности. И центральные темы здесь: соотношение необходимости и свободы, соответствие своему предназначению или несоответствие ему (если таковое признается наличным), взаимодействие предзаданности и выбора, сравнение с социокультурным эталоном “судьбы счастливой” и “судьбы несчастной”.

Авторы, занятые темой судьбы, обращены не только к ее интеллектуальному пониманию, но, прежде всего, к действию, к стратегиям обращения с самим собой и с миром, к поиску адекватной оценки происходящих событий и средств их корректировки. И это неудивительно: тот, кто доволен собой и не испытывает сомнений, вряд ли задумывается о судьбе. Она волнует тех, кто испытывает трудности и получает удары, не может обрести себя, чувствует свой жизненный путь как неординарный или ощущает принудительность происходящих с ним событий. Знание о судьбе важно для них как орудие, инструмент, как шанс понять собственный человеческий удел.

Обратимся к философам, которые, несмотря на присущую им теоретичность и абстрактность, в вопросах судьбы являются достаточно пылкими проповедниками и полемистами.

Философы: судьба, которую нельзя не выполнить

Если внимательно читать тексты мыслителей XX века, обнаружить тему судьбы можно у многих из них. Остановим свое внимание на трех выдающихся фигурах, причастных к направлению экзистенциальной философии, — М. Шелер, Х. Ортега-и-Гассет и Ж.-П. Сартр.

В 1914 году М. Шелер написал работу “Ordo amoris” — порядок любви, которая открывается темой судьбы. Первая глава этой работы называется «Окружающий мир, судьба, “индивидуальное предназначение” и ordo amoris».

Обратим внимание на то, что тема предназначения, призвания у М. Шелера появляется задолго до М. Хайдеггера и Х. Ортеги-и-Гассета, которых принято считать ведущими в этом вопросе. Говоря о судьбе конкретного человека, Шелер на разных страницах обозначает ее как “совокупность могущего состояться с ним и *только с ним*” [10, с. 342], то есть квалифицирует судьбу как индивидуальный событийный ряд; то видит ее “*единством сквозного смысла*, представляющимся нам как *индивидуальная сущностная взаимопринадлежность* человеческого характера и того, что происходит вокруг него и в него проникает” [там же, с. 344]; то подчеркивает внешний характер судьбы, объединяющий ее со “структурой среды”, принудительный для человека, хотя и оставляющий место для оценки: “Если судьба, как и структура среды и не избирается свободно, тем не менее, человек все-таки может совершенно по-разному *лично свободно относиться к ней*” [там же, с. 348]. Но так или иначе, по Шелеру, судьба, “подстерегающая нас”, — это проявление автоматических, психовитальных моментов, процесс, хоть и индивидуальный, но слепой к ценностям, это то, что “случается”, и именно ему Шелер противопоставляет, думается, “судьбу в другом смысле” — *индивидуальное предназначение*. Собственно, оно тоже “судьба”, потому что оно объективно задано. В этом предназначении, пишет Шелер, “выражается то, какое место в плане спасения мира принадлежит именно этому субъекту” [там же, с. 346], такое предназначение могут понять другие люди и помочь человеку его осуществить, поэтому люди взаимно ответственны в отношении вины и заслуг.

Идеал спасения, вытекающий из общезначимого ordo amoris — “порядка любви” (не забудем, что М. Шелер в этот период вполне католический мыслитель) также предполагает *индивидуальное предназначение к спасению*. Индивидуальное предназначение — это, согласно Шелеру, вневременная ценностная сущность в форме личности, а личность постигает свою внутреннюю суть интуитивно, ее духовное око ориентируется на надмирный духовный центр, каким выступает для Шелера христианский Бог. Однако эта “высокая судьба”, отличная от “судьбы эмпирической”, не всегда замечается и исполняется людьми. “Не стоит и говорить, — пишет М. Шелер, — что вся действительная жизнь человека может отклоняться от его индивидуального предназначения, как и от общезначимых норм” [там же, с. 347]. Между внешней судьбой и *предназначением* возможны несовпадения, противоречия, война, которые Шелер считает поистине трагическими, когда люди силой внешних обстоятельств вынуждены действовать вопреки своему

Распутье

предназначению, когда они не подходят ни к содержанию, ни к структуре своей среды, пребывая в дисгармонии.

Каков же духовно-практический пафос идей Шелера? Для осуществления *предназначения* и вопреки козням эмпирической судьбы мы должны, полагает он, преодолеть “смятения” порядка любви, избавиться от кумиров (конечных благ), двигаться в сторону божественного первообраза. Душа — микрокосм мира ценностей, и “правильная любовь” — любовь к Богу — позволит преодолеть грубую эмпирическую судьбу, выполнив единственное и неповторимое духовное призвание.

Тема судьбы-призвания в несколько ином ключе продолжается у Х. Ортеги-и-Гассета в работе “В поисках Гете” (1932). У него она лишается ореола сакральности, хотя расщепленность на “*проект-призвание*” (подлинную судьбу) и обычную жизнь остается. Ортега — певец жизни, а не божественных высей, он подчеркивает, что тема реальной (действительной)

судьбы и идеальной (высшей) судьбы содержится как раз в творчестве Гете, о котором он пишет и чью биографию препарирует со своей точки зрения. По ходу дела Ортега-и-Гассет замечает, что его идеи не почерпнуты у М. Хайдеггера, а в чем-то даже предваряют позиции этого мыслителя. В связи с этим подчеркнем, что тема проекта, разработанная Ортегой, ничуть Хайдеггера не копирует. Термин “Entwurf” — набросок, — употребляемый Хайдеггером, связан прежде всего с идеей открытости Dasein, со способностью экзистировать, это проект, которому свойственна именно бытийность, в то время как человек — сущее, ищущее свои пути в предметном, дифференцированном мире. Поэтому мы не останавливаемся на рассмотрении темы судьбы Хайдеггером, нас интересует в данном случае не Бытие и не судьба сообществ, а индивидуальная судьба, увиденная с вполне антропологической точки зрения (кстати, слова “проект” мы не найдем в переводе “Бытия и времени” В.В. Бибихина).

Итак, Х. Ортега-и-Гассет упрекает Гете, что тот не вполне постиг тайну своего собственного “я”, не смог воплотить в жизнь свой неповторимый уникальный проект, оттого он часто пребывает в дурном расположении духа и герои его произведений — это скитальцы, которые “странствуют в мире, ища свою внутреннюю судьбу или... избегая ее” [7, с. 448]. Конечно, эти критические нападки — лишь повод проговорить вслух собственные идеи относительно выполнения или невыполнения людьми “идеальной судьбы”, проекта. Впрочем, Ортега фактически не говорит, откуда взялся “проект”. Он как бы “брошен нам бытием”, а не дан Богом, но что это значит, не разъясняется, мы просто обнаруживаем в своей жизни принудительную силу “выполнения себя” и страдаем, если ей не следуем. Ироничный и скептический Ортега уклоняется от указания на источник “внутренней судьбы”, хотя, как мы увидим далее, существуют учения, прямо называющие “виновников” наличия у нас призвания, но для философа эти учения слишком просты.

Индивидуальное предназначение в трактовке Ортеги-и-Гассета вовсе не следует шелеровской морально-христианской иерархии ценностей. Напротив, оно может резко от нее отклоняться. “Человек, чья энтелехия состоит в том, чтобы быть во-ром, — пишет Ортега, — *должен* им быть, даже если его моральные устои противоречат этому, подавляя неумолимую судьбу и приводя его действительную жизнь в соответствие с нормами общества... Таким образом, нельзя смешивать “*следует быть*” морали, относящееся к интеллектуальной сфере, с “*должно быть*” личного призвания, уходящим в самые глубокие и первичные слои нашего бытия” [там же, с. 446]. Человек для Ортеги это как бы актер, обязанный сыграть персонажа, который есть его подлинное “я”, но он может от этого отказаться, он достаточно свободен, чтобы уклониться от осуществления судьбы и лишиться свою жизнь подлинности,

связанной с испытаниями и борьбой, как выражается Ортега, с “кораблекрушением”. “Самое интересное, — пишет Х. Ортега-и-Гассет, — борьба не с миром, не с внешней судьбой, а с призванием. Как ведет себя человек перед лицом своего неизбежного призвания? Посвящает ли он ему всего себя или довольствуется возможными суррогатами того, что могло бы стать его подлинной жизнью? Вероятно, самый трагический удел — всегда открытая человеку возможность подменить самого себя, иными словами, фальсифицировать свою жизнь” [там же, с. 441]. При этом Ортега-и-Гассет полагает, что право выбирать и распоряжаться, кем быть и каким быть, мы имеем только в молодости, зрелость же требует от нас целиком вписать себя в единственную судьбу, быть кем-то окончательно.

Ортега-и-Гассет, по существу, призывает читателей проявлять героическую решимость, чтобы жить полной жизнью, не страшиться грозной “внешней” судьбы, отказаться от обывательского благополучия и найти свое подлинное “я”. Внутренняя предопределенность, с его точки зрения, важнее внешней, и при свободном выборе гораздо достойнее выбрать именно ее.

Третий знаменитый автор, еще более акцентирующий тот момент, что судьба — дело самой личности, это Жан-Поль Сартр. Судьба не является непосредственным сюжетом его книги “Бытие и ничто” (1943), судьбами конкретных людей, их жизненными проектами он занимается в более поздних своих работах, но в знаменитом произведении военного периода раскрыта сартровская тема проекта как ведущей характеристики человека, впоследствии четко сформулированная для широкой аудитории в лекции “Экзистенциализм — это гуманизм” (1946): “Человек — это прежде всего проект, который переживается субъективно, а не мох, не плесень и не цветная капуста” [8, с. 323]. Как проект человек всегда устремлен в будущее и всему придает смысл сам, поскольку “Бог умер” и надеяться не на кого.

Сартровский человек, казалось бы, полностью свободен в своем стремлении всему придавать собственный смысл, он сам — “кузнец своей судьбы”, потому что ни вещи, ни обстоятельства ему не указ. В четвертой части “Бытия и ничто” в главе “Бытие и действие: свобода” Сартр размышляет, что, несмотря на свою заброшенность и фактичность, он остается хозяином обстоятельств: “...сама случайность свободы и окружающая ее случайность мира проявляются в нем только в свете цели, которую выбрала свобода...” [9, с. 496]. И место, и обстоятельства, и даже прошлое совершенно подвластны человеку, поскольку их смысл и значение определяются проектом его будущего. Разве что с Другим должно вступить в конфликт, только он ставит предел как “другая свобода”.

И тем не менее в длинный сартровский панегирик проектирующей субъективности вкрадывается фоновым диссонансом тема судьбы. Она таится в самой свободе: “Мы одиноки,

Е. Золотухина-
Аболина
Превратности
судьбы

Рука Бога

и нам нет извинений. ...человек осужден быть свободным” [8, с. 327]. Обреченность на свободу, невозможность избежать ее, да еще и полнота ответственности — разве это не “судьба”? Разве не горькой судьбой человечества выступает также *фундаментальный проект*, подстилающий все остальные стремления, нереализуемое желание “быть Богом”, обладать одновременно сознанием и полнотой бытия?

Сама свобода в парадоксальном сартровском духе становится судьбой, от которой нельзя уйти: “...в жизни нет *случайностей*, — пишет он, — общественное событие, возникающее внезапно и вовлекающее меня, не приходит извне; если я мобилизован на войну, эта война является *моей* войной, она в моем образе, и я ее заслуживаю” [9, с. 327]. И далее: «...я не отличаюсь от самой этой эпохи и не мог бы быть перенесен в другую эпоху, не впадая в противоречие. Таким образом, именно *я есть* эта война... формулу, которую мы только что цитировали: “Нет невинных жертв”, нужно дополнить следующей “Имеют ту войну, которую заслуживают”» [там же, с. 559]. Неизбежный спонтанный выбор сливается с “роком”. Поучение Сартра читателю — быть всегда честным с собой, принимать свой выбор как свою судьбу и не сваливать ни на кого ответственность. Наша судьба — отвечать за все, что мы совершаем, и “нести на плечах весь мир”.

Стоит заметить, что трактовки судьбы, данные философами XX века, практически не касаются темы неожиданной смерти. Судьба как трагический внезапный уход не обсуждается. Собственно, мы увидим, что не обсуждается она и у психотерапевтов: все усилия и философов — учителей жизни, и терапевтов — помощников страждущих, — направлены на изменение поведения людей “здесь и сейчас”, на осознание ими жизненных задач (ориентироваться на ценности, смело реализовать

Судьба

себя, избежать самообмана, найти корни своих проблем), а разговоры о трагических катастрофах, произошедших по неизвестным причинам, этому не содействуют. Сартр просто говорит, что смерть не имеет к нам никакого отношения, потому что человек — проект, а она рушит все проекты. Тема смерти и загробной судьбы — тема учительствующего эзотеризма, она выводит нас за пределы “человеческих объяснений” происходящих событий.

Психотерапевты: судьба, которую можно переделать

Тема судьбы как проекта-призвания не чужда и психотерапевтам, имеющим дело с анализом конкретной биографии пациента и ее эмоциональными оценками с его стороны. Порой “судьбу” как предназначенный путь воспринимали и сами крупные исследователи человеческих душ. К.-Г. Юнг пишет: “Изначально мне было свойственно чувство судьбы, я воспринимал жизнь как нечто предписанное и видел свою цель в том, чтобы исполнить волю судьбы. Это давало мне ощущение внутренней надежности, причем не я доказывал себе его истинность, но оно доказывало мне истинность самого себя” [11, с. 54]. И в другом месте: «Лишь после болезни я понял, как важно приятие собственной судьбы. Таким образом выковывается “Я”, способное не сломаться при столкновении с непонятным и непостижимым...» [там же, с. 304].

Однако психотерапевтам подчас мало такого эмоционально-интуитивного понимания. Их профессия — *практически* распутывать (или помогать своим пациентам распутывать) хит-

росплетения событий и отношений, складывающихся на протяжении долгого времени, поэтому они видят судьбу не как зов и призыв, а как *длящееся жизненное приключение*, своего рода затянувшийся лет на восемьдесят-девяносто спектакль. “Спектакль” имеет свой порядок, внутреннюю структуру, исполнителей, сверхзадачу, поставленную невидимым режиссером. Кто режиссер, какова сверхзадача, что за призывы слышат герои спектакля в своих головах, кто и что суфлирует из будки, при каких условиях спектакль пройдет успешно, а при каких провалится? Все это конкретные весьма острые и значимые вопросы, на которые терапевт должен вместе с пациентом найти ответы. Результатом совместного поиска будет либо “возможность исправления судьбы”, радость и оптимизм, либо разочарование, отказ от работы с терапевтом и погружение в безнадежность.

Достаточно подробно, искусно и тонко анализирует человеческую судьбу как *жизненное приключение* американский психотерапевт Эрик Берн. Его книга “Люди, которые играют в игры” (психология человеческой судьбы) стала знаменита, но слишком часто ее пересказы поверхностны, от последователей нередко ускользают важные детали. В данном случае мы не претендуем на полноту изложения (для этого надо читать самого автора), но попробуем показать, как Берн методично и последовательно описывает те устойчивые моменты эмоциональных реакций и поведения, из которых выплетается “нить судьбы”.

Согласно Э. Берну, судьба в немалой степени определяется “сценарием”, его человек начинает получать с младенчества, а сценарий — “это постепенно развертывающийся жизненный план, который формируется... еще в раннем детстве, в основном, под влиянием родителей. Этот психологический импульс с большой силой толкает человека вперед, навстречу его судьбе, и очень часто независимо от его сопротивления и свободного выбора” [3, с. 175–176]. Далее Берн отмечает, что “сценарий предполагает: 1) родительские указания; 2) подходящее личностное развитие; 3) решение в детском возрасте; 4) действительную включенность в какой-то особенный метод, несущий успех или неудачу; 5) убеждающую установку или, как принято говорить, вызывающую доверие убежденность” [там же, с. 177].

Аналогия с театром позволяет автору говорить о предварительной репетиции судьбы, ее драматическом представлении, смене в ходе жизни исполнителей различных ролей, о партнерстве по игре, интуиции партнеров, вариациях интриги, “большой сцене”, представляющей развертывание взрослой жизни и “финальном акте”, которым является смерть. Жизненное представление предполагает злодеев и “хороших парней”, о них должен расспросить пациента сценарный терапевт, но особо значимыми выступает то, какую роль с самого начала выбрал сам пациент — главное действующее лицо “спектакля

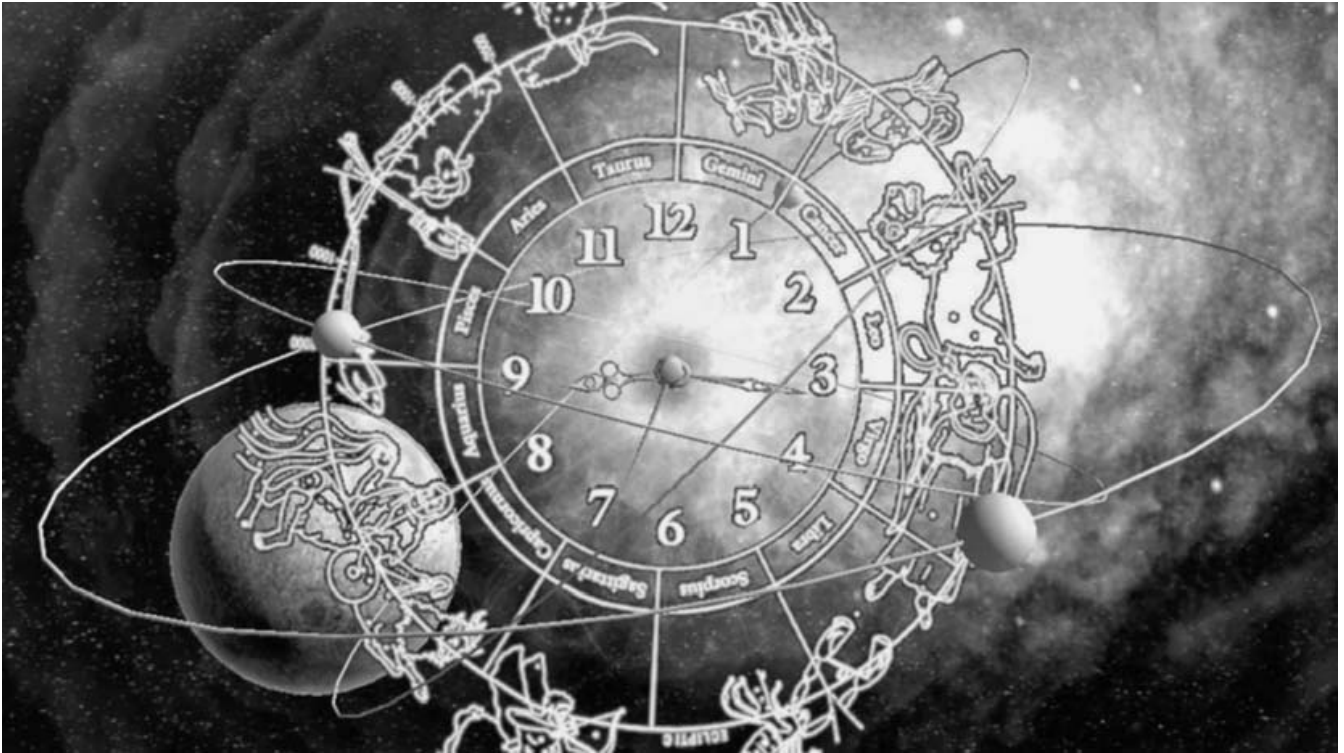
судьбы”: роль Победителя (Принца или Принцессы) или Неудачника (Лягушки или Гусыни). Интересно, что, согласно Берну, человек, получивший от своих воспитателей сценарий Неудачника, может вовсе не стремиться стать Победителем и даже активно сопротивляться такому ходу событий. Его вполне устроит роль “бравого неудачника”. Собственно, Неудачников и Победителей Берн различает по тому, достигают ли люди тех целей, которые они сами себе ставят.

Стиль размышлений Э. Берна — метафорический и иронический, ему свойственно также обращаться к тематике мифов и сказок, используя судьбы их героев как биографические модели.

Сценарий судьбы закладывается старшими в детстве человека, когда маленький человек — это “марсианин”, то есть все понимает по-своему, не как взрослые, бессознательно считывает эмоциональные послы, воспринимает поведение родителей как волшебные императивы, как бы “читает между строк”, будучи чутким к подлинным желаниям старших, а не тем, что выражены в словах. Ему доступны подтексты и скрытые указания, хотя он не осознает их, а лишь реагирует поведением и возникновением устойчивых убеждений. А родители влияют на ребенка не только как более опытные старшие люди, рационально вменяющие полезные наставления (такую роль Берн называет “Внутренним взрослым” и “Внутренним родителем”), но и как непоследовательные, эмоциональные и капризные существа (“Внутренний ребенок”, по Берну). Хороша ли будет судьба человека, который принял в качестве бессознательных жизненных установок истошные проклятия миру “сумасшедшего внутреннего Ребенка” своей матери?

Итак, на судьбу и жизненный путь человека, прежде всего, оказывают влияние его предки и то отношение к ним, которое изначально складывается в раннем детстве: гордость за предков, их идеализация или конфронтация с ними, от этого зависит, будет человек воспроизводить жизненные сценарии родственников или противиться им. Немаловажно и то, каким по счету ребенком в семье был пациент и какое ему дали имя. В детские годы закладывается фундаментальное оценочное отношение к себе и к миру: позиция здоровой личности (я+, ты+ — успех); позиция презрения к другим (я+, ты— — превосходство); позиция уныния (я—, ты+ — депрессивность); тупиковая позиция (я—, ты— — безнадежность). Позиции могут меняться под воздействием внешних обстоятельств (потрясений), с помощью любви или психотерапии. Тревожная личность порой мечется от одной позиции к другой, а убеждения стабильной личности трудно поколебать, даже если они вредны ей самой.

Э. Берн отмечает, что психотерапевты гораздо больше знают о плохих сценариях судьбы, чем о хороших, поэтому он описывает “сценарный аппарат” прежде всего плохого сценария. Вообще “сценарий”, навязанный человеку в детстве, ока-

зывается для него довольно грубым ограничением человеческой свободы, тем панцирем, который не дает личности возможности развернуть позитивные силы и возможности. “Чем больше у человека разрешений, — отмечает Э. Берн, — тем менее он связан сценарием” [там же, с. 242]. Отсюда задача психотерапевта — освободить пациента от “сценария”.

В “плохой сценарий”, который заканчивается одиночеством, бродяжничеством, сумасшествием или смертью, как правило, входят наркотики, алкоголь и насилие. Любые структурообразующие моменты сценария вменяются родительским Предписанием, которое может быть прямым, косвенным или лживо-вкрадчивым, они поддерживаются одобрением или неодобрением (“Сиди тихо!” или “Говори!”; “Не ловчи!” или “Не будь дурачком!”). Предписания часто могут быть двойными: на словах одними, а по эмоциям — совсем другими, таящими злую издевку. Для обозначения такой ситуации Берн к называемому предписанию ставит “ха-ха!” (Не кончи, как твой дед! Ха-ха!). За Предписанием следует Провокация или совращение, порождающее будущих развратников, пьяниц, преступников и других субъектов с “пропащим сценарием”. Кроме того, Берн описывает еще такой компонент, формирующий судьбу, как Заповедь, некий “фирменный завет”, предназначенный быть исполненным. Однако с ним возможны неувязки. «Поскольку, — замечает Берн, — заповеди исходят от заботливого Родителя, а сценарные предписания — от Родителя контролирующего или от сумасшедшего Ребенка, могут возникать противоречия. Они бывают внешними и внутренними. Внутренние противоречия порождаются двумя различными состояниями Я одного и того же родителя. Отцовский Родитель вешает:

Часы и планеты

Дороги судьбы

“Экономь деньги”, — в то время как Ребенок отца подначивает: “Ставь все сразу в этой игре”. Когда один из родителей учит экономить, а другой — тратить, то можно говорить о внешнем противоречии» [там же, с. 320].

Программирование судьбы происходит прежде всего в негативной форме, через отрицания и запреты, сопротивление которые проявляют “демон” (агрессивно-вызывающая сторона человеческой природы) и складывающийся в ходе жизни “анти-сценарий”, он, впрочем, — лишь сценарий со знаком минус. В особых обстоятельствах человек может сам избавиться от “сценарных пут” судьбы, но нередко психотерапевт оказывается главной инстанцией, которая способна дать ему “расколдовыватель” для избавления от сценарных проклятий и освобождения собственной воли. С точки зрения Э. Берна, вполне возможно изменить судьбу, избавиться от иллюзий и вредных установок, хотя нередко сделать это очень трудно в силу того, что сама жизнь человека оказывается основана на иллюзиях, и ему трудно отказаться от образа “доброе волшебника”, Санта-Клауса, избавляющего от проблем, и взять всю ответственность на самого себя. Как и в концепции Ж.-П. Сартра, у Э. Берна ответственность за себя — главное условие реальной свободы строить свою судьбу: индивид должен осознать негативный сценарий судьбы и принять практическое волевое решение перестроить его.

Несколько иную, возможно, более мягкую технику воздействия на судьбу предполагает нарративная психотерапия. Этот вид психотерапии рассматривает протекшую человеческую судьбу как совокупность нарративов — историй, которые люди рассказывают о себе как самим себе, так и другим. Фактически

ки, речь идет о сложившейся версии собственной жизненной истории, причем такой истории, которая не нравится самому индивиду, оценивается им как печальная, а судьба как “злая”. “Нарративные терапевты, — пишут Е.С. Жорняк и Н.В. Савельева, — думают в терминах историй и сюжетов — доминирующих и альтернативных. Рассуждая в рамках нарративной метафоры, можно сказать, что люди приходят в терапию, когда доминирующие истории (личные и/или культурные) не позволяют им прожить свои собственные предпочтительные нарративы, или когда человек активно участвует в воплощении историй, которые он находит бесполезными, или когда, как в случае с мафиози, человек больше не может найти ресурсов для поддержания выбранной им истории, новые события интерпретируются им таким образом, что это угрожает старому предпочитаемому нарративу, а зарождающийся новый ему совсем не по душе” [5].

Фактически, задача нарративных психотерапевтов в том, чтобы “исправить судьбу” с помощью ее новой интерпретации. А для этого, выслушивая клиента, они следуют постмодернистской методике и как бы “деконструируют” сложившийся образ, улавливая в рассказе непоследовательности и разрывы, избыточные обобщения, скрытые смыслы. Позитивные моменты, которые находятся на периферии внимания человека, выстроившего “мрачный образ” собственной жизни, начинают выводиться на первый план, а негативные — оттесняться. Например, человек, который полагал себя жертвой злых людей и драматических обстоятельств, может переосмыслить свою историю как историю “борца за справедливость” и считать, что он должен не сожалеть о случившемся, а гордиться. Поиск “уникальных эпизодов”, не совпадающих с основной пессимистически излагаемой историей, должен привести клиента к пониманию возможности иного толкования и иной жизни. «По мере того, как все больше уникальных эпизодов найдено, связано и наделено смыслами, — отмечают исследователи, — проявляется новый сюжет, и альтернативная история становится все более насыщенной и полно описанной. Привлекая с помощью вопросов внимание к уникальным эпизодам, терапевт помогает клиентам переместить эти события с периферии истории к центру, сделать их осознанными и видимыми. Когда эти события наделены смыслом и связаны во времени — новая история начинает жить. Эта история обычно “антипроблемна”, и в центре или на переднем плане в ней говорится о решениях, принятых людьми, их способностях, компетенциях и умениях — всем том, что раньше было сложно заметить в тени проблемно-насыщенной истории. Вынесение этих ресурсов на передний план помогает людям восстановить связь с их истинными предпочтениями, надеждами, мечтами и идеями, что, в свою очередь, должно оказать эффект на их поведение в будущем» [там же]. Думается, у подобного перетолкования, на-

правленного по своей интенции к благу, есть и подводные камни. Возможна опасность “историю, где меня отвергают”, превратить не в нарратив “обо мне, достойном, но не понятом”, а в “историю обо мне глупом и навязчивом”, то есть проскочить позитивную интерпретацию и перейти к модусу самообвинения, где я из “жертвы чужого равнодушия” становлюсь “жертвой собственной бестолковости”. Судьба будет понята иначе, но все равно со знаком минус. Видимо, здесь важно искусство психотерапевта, не позволяющего клиенту перескочить из одной негативной версии собственной жизни в другую.

Два приведенных нами примера показывают, что в психотерапии судьба рассматривается как то, что можно понять и на что можно сознательно повлиять. Здесь отсутствует отсылка к таинственному и запредельному. Правда, и вопрос о внезапном уходе из жизни не ставится. Э. Берн говорит лишь о смерти, как бы заранее запланированной негативным, но вполне человеческим сценарием. Всеми вопросами судьбы, включая внешне случайный обрыв жизни, занимается философствующий эзотеризм, получивший в наши дни широкое распространение. Фактически, речь идет уже не о закрытом учении, предназначенном для посвященных, а о своеобразной синтетической “восточно-западной” концепции, предполагающей теорию кармы и реинкарнации как теорию судьбы.

Эзотерики: судьба, которую мы придумали сами

Именно эзотерики всех видов и направлений оказываются в наши дни самыми практичными “судьбоведами”. Во-первых, они владеют развитой теорией человеческой судьбы, которая, конечно, у различных авторов дана по-разному, а во-вторых, они считают, что способны охарактеризовать для человека предписанные ему свыше пути и показать уровень, на котором он находится в текущей жизни. В отличие от светских психологов и психотерапевтов, которые останавливаются на прижизненных, земных причинах происходящих с индивидом событий, эзотерики относят каузальность к тонким планам бытия, действующим как в прошлом, так и в настоящем. С эзотерической точки зрения наш мир — иерархия миров, и главные причины складывающейся судьбы лежат в области прошлой жизни и нынешних мыслей, чувств и желаний человека. Проблема смерти здесь решается сразу и вполне определенно: “Смерть есть величайшая из земных иллюзий: смерти нет, есть только перемена в условиях жизни” [2, с. 110]. У каждого впереди — вечность, где “судьбы” различных воплощений (необязательно земных) сменяют друг друга.

Однако мало кто удовлетворится простым разговором о вечности, людей волнует их теперешняя человеческая судьба. Поэтому эзотерическая мысль издревле выработала такие “дорожные карты” судьбы, как хиромантия и астрология, постро-

Е. Золотухина-Аболина
Превратности
судьбы

Мойры

енные и привязанные к зодиакальному представлению о движении планет. Известно, что в XX веке об астрологии велись бурные споры, в которых принимал участие и К.-Г. Юнг. Впрочем, несмотря на продолжение дебатов, никто особенно и не скрывает того, что при насмешливом отношении к популярным гороскопам, которые передают по телевидению или размещают в Интернете, сильные мира сего, обладающие властью, даже при демонстрации своих материалистических убеждений, тайно пользовались и пользуются практически во всех странах мира услугами предсказателей, в том числе астрологов. Видимо, по принципу “дура врет-врет, да правду и скажет”.

Конечно, остаются под вопросом сюжеты, связанные с предсказанием будущей судьбы (будущее от нас в значительной степени закрыто), но в XX веке сложились школы астропсихологии, дающие по дате, времени и месту рождения разностороннюю характеристику индивида. А характер — это судьба... Астропсихология Дэйна Радьяра, электронная программа “Астрологос”, созданная С. Вронским и А. Подводным, позволяют почерпнуть из символических раскладов интересные сведения о жизненных тенденциях людей и том духовном уровне, на котором они в данный момент находятся. Разумеется, гороскоп ничего не может сказать о человеке, если не знать конкретных событий его жизни, уже протекшей части биографии, но прошлое и наличные тенденции способны получить внятные астрологические объяснения, исходящие из эзотерических представлений о карме и перевоплощении.

Согласно теософскому взгляду, проект нашей жизни не просто “брошен нам бытием”, а кропотливо создан сверхчеловеческими сущностями — блюстителями кармы, которые старательно собирают все данные о мыслях, чувствах и поступках человека в прошлом его воплощении и формируют с целью духовного развития новые задачи, которые повлекут за собой но-

вые жизненные уроки (а те, кто не выучил предыдущие “уроки”, получают их снова). Наследие прошлой жизни и задачи на текущую формулируются в позиции гороскопа, названной “Лунные узлы”. И в этих “Лунных узлах” с удивлением можно обнаружить возможный “кармический брак” для женщины, которая, как мы уже знаем, дважды вышла замуж за наркомана и скатилась в результате этого до тюрьмы и психбольницы. А для человека, который всю жизнь ухаживает за ребенком-инвалидом — предсказание иметь больных родственников, которым придется уделять максимум внимания (и отмечено — результат гордыни). В Лунных узлах моей тети, которая не поднялась по социальной лестнице выше нянечки в больнице, обнаружилось предписание: “полное отсутствие карьеры”... Каким образом конкретные судьбы знакомых и близких людей могут быть зашифрованы в условной символике древнего учения? Как описания расположений планет, знаков зодиака и астрологических домов, сделанные исследователями, которых мы никогда не видели, указали на ведущие мотивы судеб родственников и друзей?

Нет, что-то есть, наверное, в этих “проектах судьбы” астрологов! Что-то знают они о судьбе, чего не ведают ни философы, ни светские психотерапевты... Возможные взлеты и провалы владельца гороскопа распределены по уровням “высшему духовному”, “среднему” и “низкому”. Каждый может сличить события своего наличного бытия и состояние своей души с “картой-схемой”, чтобы понять, развивается он “по пути к Богу” или просто тешит свои низменные страсти.

Оптимистичны и интересны рассказы о человеческой судьбе, поставляемые эзотерическими психологами, которые проводят с пациентами “гипноз с ретроспекцией”. Этих авторов (М. Ньютона, С. Браун и др.) нередко считают шарлатанами (как и вообще эзотериков, не вписывающихся в сайентистскую модель мира), но они, не сговариваясь, дают очень близкие описания того, как “в тонких планах бытия”, где “все мы бессмертны и счастливы”, формируется модель нашей земной судьбы. Давая нам препятствия и проблемы, она призвана действовать нашему развитию. Мы можем верить или не верить результатам гипнотических опросов, но нельзя закрыть глаза на то, что такие ретроспекции — факт культуры. Что же рассказывают читателю гипнотерапевты и какие практические наставления следуют из их описаний “проектов судьбы”?

Обратимся к идеям С. Браун, которая подробнейшим образом повествует о том, как в астральном мире, который очень похож на земной, “землянина” готовят к очередному путешествию в “грубый план” — в наш эмпирический мир. По ее мнению, не только “высшие инстанции” (“Блюстители кармы”), но и сам человек — активный участник подготовки. Прежде всего, как при любом хорошем планировании определяется (чаще одним словом) цель пребывания в “учебном лаге-

ре” — на Земле. Обеспечиваются задания, соответствующие цели; будущему “земленавту” помогают консультанты и наставники. Выбираются “основные темы” жизненного урока (например, гуманность) и дополнительные линии (семья, карьера и т.д.). Поскольку уходящие на землю по сути бессмертны и живут “в вечности” (при наличии последовательности событий), а целью их является духовное восхождение, то они ради скорейшего духовного продвижения придумывают себе самые большие трудности и опасные испытания, полагая, что выдержат любые страдания. Это ведь что-то вроде учебной практики или недолгой игры. Для оставшихся в тонком мире отсутствие воплотившихся пройдет почти незаметным, а возвращение будет скорым. Опытные консультанты, Совет старейшин могут пожуричь “путешественников в грубый план” и порекомендовать им не брать на себя неподъемный груз, ибо на Земле при наличии старения, грядущей смерти и страданий все будет выглядеть иначе. Но не все готовы послушаться поучений старших, души “пилотов” надеются пройти долгий земной путь и не сломаться под тяжестью испытаний.

Порой, напротив, целые группы собравшихся для подготовки к воплощению душ сознательно решают выбрать трагическую судьбу, чтобы поскорее вернуться домой из земного дискомфорта. Об этом пишет, например, М. Ньютон, он цитирует запись рассказа одного из своих пациентов, повествующего под гипнозом о подготовке к воплощению: “Я помню, как проходил мимо большой группы душ в подготовительном классе, которых собрали в помещении, напоминающем амфитеатр. Они все слушали оратора, который говорил им о ценности жизни, даже если они собрались отправиться на Землю лишь на короткое время. Все они добровольно решили стать жертвами некоего бедствия, в котором должны вместе погибнуть. Им предложили ментально подготовиться и с максимальной пользой провести имевшееся у них время, и сказали, что, если они желают, они могут иметь более продолжительную жизнь” [6, с. 353].

Но вернемся к С. Браун. Она подчеркивает, что для тех, кто не выдерживает земных испытаний, приготовлены “точки выхода” — моменты “случайной смерти” — в катастрофе или от внезапной болезни. Их можно миновать по собственному решению, а можно бессознательно пойти им навстречу. Таких точек выхода пять, и люди, миновав порой опасную ситуацию, могут нечаянно услышать голос “ангела-хранителя” — это была третья (вторая, четвертая...) точка.

Сильвия Браун говорит о создании перед воплощением весьма скрупулезно составленного “идеального плана жизни”, фрагменты которого потом могут нам представляться как “дежа вю”.

Она подчеркивает: «Определив главные составляющие плана нашей будущей земной жизни (основная и второстепенная жизненные темы, дополнительные линии, точки выхода и то-

тем), мы переходим к долгой, трудной и кропотливой работе. Мы должны включить в план каждую деталь и каждое событие предстоящей жизни, чтобы обеспечить себя возможностями, которые помогут нам в достижении наших основных целей. Да-да — “каждую деталь и каждое событие”, не больше и не меньше.

- ◆ Мы выбираем своих родителей, братьев и сестер.
- ◆ Мы выбираем свою внешность, учитывая все нюансы, начиная от волос, кожи, цвета глаз, роста, веса и заканчивая теми или иными изъянами и особыми приметами.
- ◆ Мы выбираем точное место, год и день рождения, иначе говоря, планируем свое рождение с точки зрения астрологии.
- ◆ Мы выбираем будущих друзей, возлюбленных, супругов, детей, начальников, сотрудников, случайных знакомых и даже домашних животных.
- ◆ Мы выбираем темных существ, которых встретим в земной жизни.
- ◆ Мы выбираем города, окрестности, районы и дома, в которых будем жить.
- ◆ Мы выбираем свои будущие предпочтения, недостатки, слабые стороны, наличие или отсутствие чувства юмора, умения и таланты, а также то, в чем мы не сможем проявить себя в полной мере из-за отсутствия способностей.

Шаг за шагом мы вписываем в план каждый свой будущий поступок, чуть ли не каждый вдох, все события нашей будущей жизни, вплоть до самых незначительных. В это сложно поверить, но мы прибываем на Землю, обладая свободой выбора и имея в своем распоряжении массу возможностей» [4, с. 243–244].

Конечно, в эмпирическом мире план во многом меняется, ломается: “гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить”... Человек, забывший о своем бессмертии, реагирует иначе, чем вечная душа, не обремененная земными заботами. И насколько реальная жизнь будет соответствовать составленному “в небесах” плану, зависит от нашей *свободы и ответственности*. Так же, как философы и психотерапевты, современные эзотерики не отрицают свободу и не призывают подчиниться року, а, напротив, показывают, что каждый проживаемый день, хоть в грубом, хоть в тонком мире, во многом определяется нашей личной оценкой и волевым выбором, способностью решать и следовать решению. Помнить о своей свободе и стремиться к высшим благам — истине, добру, красоте, не бояться смерти, потому что это — возвращение домой, вот те духовно-практические поучения, которые дает популярный эзотеризм, занятый темой судьбы.

С точки зрения С. Браун, все, что мы получили в тонком мире, в нашем подлинном Доме, остается зафиксированным в нашем подсознании. Собственно, оттуда гипноз с ретроспекцией и извлекает сведения о “построении жизненного плана”.

Но здесь мы должны отрешиться от всего багажа своих предшествующих, связанных с минувшими воплощениями знаний, чтобы сыграть конкретно-исторического земного персонажа, как актер забывает о себе как личности, исполняя роль Гамлета, Шерлока Холмса или Буратино. Но новая роль обогатит нас и поднимет на новую ступень духовного восхождения.

Завершая обзор точек зрения на судьбу как духовно-практическую проблему, подчеркнем, что сюжет этот неисчерпаем, о нем можно много писать, находя все новые позиции и мнения. Можно обратиться к идее античного рока, поразмышлять в христианском ключе о Божьем провидении, подробнее остановиться на практиках хиромантии, которые в наши дни предлагают не только читать узор на ладонях, но и изменять его, трансформируя таким образом сам ход событий... Кроме того, в судьбе как реально проживаемой биографии тонко переплетены моменты, которые мы должны безоговорочно принять, и те, которым нужно активно противодействовать, те, что требуют неукоснительного исполнения, и те, что нуждаются в интерпретации, переоценке и пересмотре. Все это — темы для философско-антропологической аналитики, где глубоко связаны философские, психологические и религиозно-эзотерические вопросы.

Но, возможно, главное, — опираясь на интеллектуальные и “магические” подсказки “специалистов по судьбе”, счастливо прожить собственную жизнь, не уклоняясь от призвания, не отказываясь от свободы выбора и с надеждой видя возможные перспективы долго идти вперед по “лестнице миров”.

Литература

1. *Аллахвердов В.М.* Сознание как парадокс. СПб.: Парадокс, 2000. С. 500.
2. *Безант А.* Древняя мудрость. М.: Интерграф-Сервис. 1992. С. 110.
3. *Берн Э.* Люди, которые играют в игры // Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М.: Прогресс, 1988.
4. *Браун С., Харрисон Л.* Жизнь на другой стороне (Путешествие медиума в потусторонний мир). М.: София, 2011. С. 243–244.
5. *Жорняк Е.С., Савельева Н.В.* Нарративная психотерапия // http://flogiston.ru/articles/therapy/what_is_narrative
6. *Ньютон М.* Предназначение души. Жизнь между жизнями. СПб.: Будущее Земли., 2002.
7. *Ортега-и-Гассет Х.* В поисках Гете // Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство. 1991.
8. *Сартр Ж.-П.* Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политическая литература, 1989.
9. *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто. М.: Республика, 2000.
10. *Шелер М.* Ordo amoris // Избр. произв. М.: Гнозис, 1994.
11. *Юнг К.-Г.* Воспоминания, сны, размышления // Дух и жизнь. М.: Практика, 1996.